

Александр Ткаченко

Бабочка в ладони

Зачем
современному
человеку
христианство?

Исправитель зла

Бог, Которого мы
можем уважать

Как выглядит грех?

Александр Ткаченко

Бабочка в ладони

«Никея»

2010

Ткаченко А. Б.

Бабочка в ладони / А. Б. Ткаченко — «Никея», 2010

Книга Александра Ткаченко ориентирована на читателя, который, не удовлетворяясь общими рассуждениями, стремится понять – что же такое Православие применительно к его жизни? Что оно может дать ему лично? От чего защитить? В чем помочь? Автор открыто ставит эти вопросы, которые мучают множество искренне ищущих, и часто уже верующих людей. Александр Ткаченко обладает счастливой способностью говорить о сложных вещах просто и доходчиво. Благодаря такой подаче материала, серьезная книга читается легко и интересно.

© Ткаченко А. Б., 2010

© Никея, 2010

Содержание

Об авторе	6
Предисловие	8
О том, что мешает нам жить	10
Синдром Кулдарова	10
Явное и тайное	10
В поисках утраченной славы	11
Очень странные люди	12
Перед лицом Господа	13
Обида	16
Когда хватаются за молоток	17
От уголька до пожара	18
Право на обиду?	19
Два свидетельства	20
Ошибка Сальери	22
Единственный критерий	23
Две молитвы	24
Когда появляется дракон	25
Выход из лабиринта	26
Не судите?	28
Принцип бинокля	29
Что мы знаем друг о друге?	30
«...О, худо он сделал»	31
Синдром Паниковского	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Ткаченко

Бабочка в ладони

© ООО «Никея», 2010

© ИД «Фома», 2010

© Ткаченко А., 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Однажды ученик великого мудреца решил испытать своего учителя. Он поймал бабочку и подумал: «Вот мой учитель все знает, сейчас подойду к нему и спрошу: в моей руке бабочка, как ты думаешь, живая она или мертвая? Если скажет, что живая – я сожму кулак, и она умрет, если скажет, что мертвая – я разожму кулак, и она улетит».

– Учитель, в моей руке бабочка, как ты думаешь, живая она или мертвая?

– Все в твоих руках, – ответил учитель.

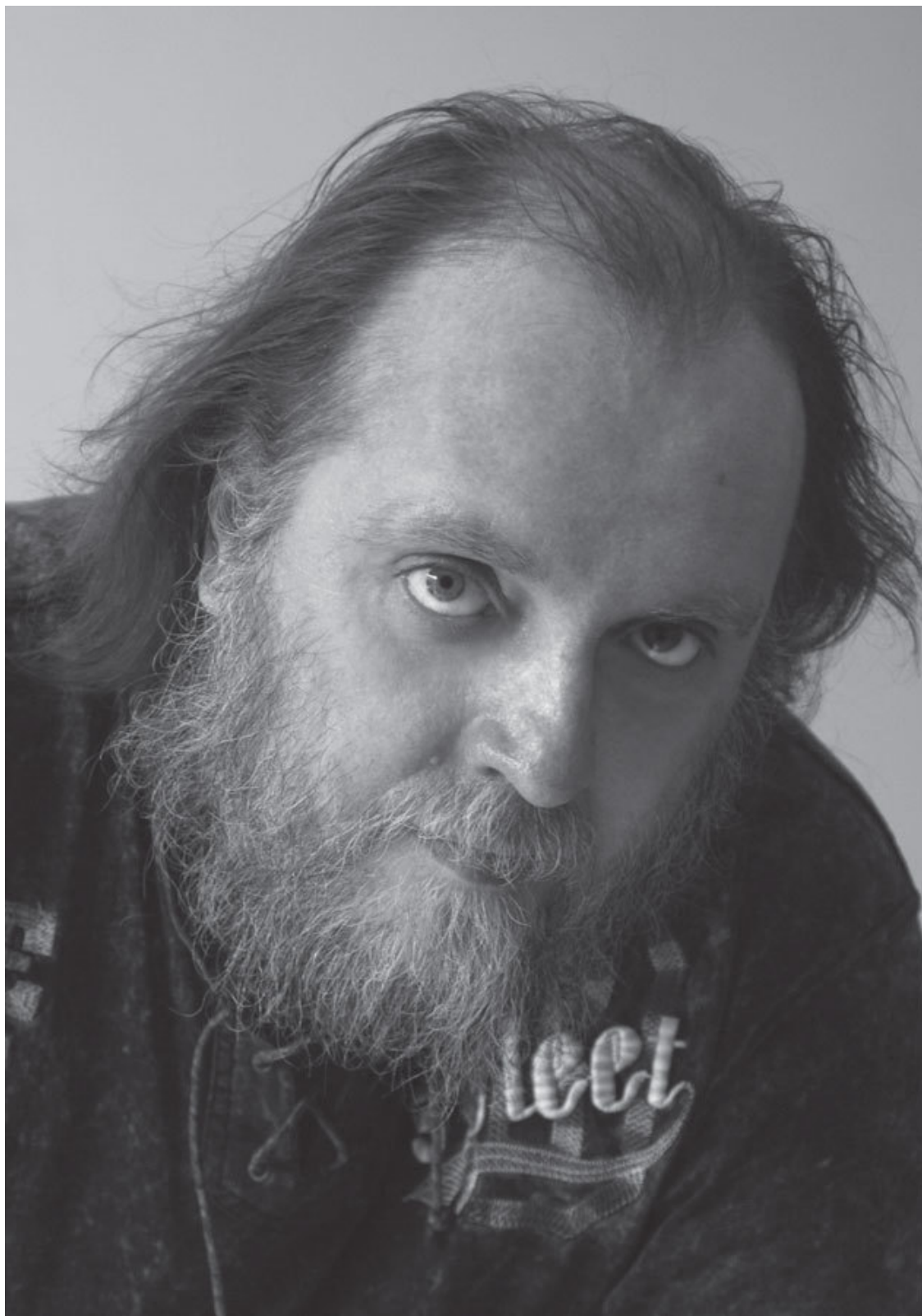
Спор о бытии Божиим чем-то напоминает эту притчу. Одни и те же факты и знания о мире, словно бабочку в ладони, можно использовать в качестве аргумента как со стороны веры, так и со стороны безверия. Все зависит от нашего желания, все в наших руках.

Но вот почему человеку хочется, чтобы Бога не было? Ответ на этот вопрос не нужно искать слишком далеко. Достаточно просто внимательнее заглянуть в собственную душу.

Об авторе

Александр Ткаченко – талантливый и самобытный публицист, постоянный сотрудник и обозреватель журнала «Фома». Кроме многочисленных очерков и эссе публикует свои рассказы в популярной детской литературной серии «Настя и Никита», главным редактором которой является также сам Александр. Лауреат IV международного фестиваля православных СМИ «Вера и слово» 2010 года, где был награжден за яркую и апологетику христианства и описание основ духовной жизни, в образах понятных и близких современному человеку.

Александр – многодетный отец, живет вместе со своей семьей в городе Жиздра Калужской Области, куда когда-то приехал для участия в восстановлении храма Покрова Пресвятой Богородицы.

Предисловие

Психология современного человека такова, что он во всем ищет некий практический смысл, прежде всего, задаваясь вопросом: «А зачем мне это нужно?» Предлагаемая книга Александра Ткаченко ориентирована именно на такого читателя, который не удовлетворяясь общими рассуждениями, стремится понять – что же такое Православие применительно к его жизни? Что оно может дать ему лично? От чего защитить? В чем помочь? Автор открыто ставит эти вопросы, которые мучают множество искренне ищущих, и часто уже верующих людей. Он не боится затрагивать самые *неудобные* из них, часто специально заостряя их еще сильнее, вплоть до того предела, за которым, казалось бы, ответ на них уже невозможен. «...Предположим, что Бог действительно есть любовь». Но тогда «как Бог-Любовь допустил весь этот кошмар человеческой истории, с ее войнами, насилием, реками пролитой крови? Куда Он глядел, когда любимые Им люди так жестоко страдали и мучились? И самое главное: зачем любящий Бог сотворил человека, зная, какая печальная судьба его ожидает?».

Многие материалы этого сборника отвечают на подобные вопросы читателей журнала «Фома». Автор дает логически обоснованные и святоотечески укорененные ответы без уверток, ясные, внушающие уважение своим подстрочным призывом к читателю принять участие в дискуссии. И это единственно возможный сегодня подход к проповеди христианства. К сожалению, в современном мире сильно распространены неправильные, а подчас и вовсе ложные представления об основополагающих истинах христианского вероучения и основ духовной жизни в Православии. Кто есть Бог? Что такое – спасение, каков его путь? По таким важнейшим вопросам на страницах популярных журналов можно встретить немало общих слов. В книге эти темы не просто затронуты, и по ним Александр Ткаченко высказывает не какие-то личные гадания (по образу и подобию древних и новых *афинян*, вечно ищущих чего-либо новенького), но предлагает, как правило, святоотеческое учение – единственно твердый критерий в уяснении основополагающих истин человеческой жизни.

Статьи сборника написаны в одном ключе, которым является главная истина христианства – Бог есть Любовь. Каждой статьей автор старается объяснить, что единственным действием Бога в отношении человека является благо человека. Лейтмотивом всей книги можно было бы назвать замечательное высказывание святого Исаака Сирина: «Он [Бог] ничего не делает ради возмездия, но взирает на пользу, которая должна произойти от Его действий, ибо где любовь, там нет возмездия; а где возмездие, там нет любви». Бог не мститель за зло, но Врач, готовый помочь каждому обращающемуся к Нему.

Еще одна магистральная тема книги Александра Ткаченко – духовная жизнь, православное понимание добродетели, страсти, борьбы с грехом и страстями: «Удару предшествует замах, злему делу – соответствующее устройство сердца. И если не остановить в себе зло на этом, внутреннем этапе, оно может вырваться наружу уже в виде безнравственного поступка или преступления. А может и не вырваться, но самому человеку от этого не станет намного легче, ибо не всякое зло направлено вовне, на других людей. Ну, к примеру, какая беда окружающим от чьей-то зависти? Они могут и не знать о ней вовсе, а вот сам этот несчастный просто зеленеет от одних только мыслей о чужом преуспевании и медленно убивает себя собственной страстью. То же самое можно сказать о гордости или об унынии».

Автор постоянно обращает внимание читателей на один из важнейших принципов христианской аскетики, который требует не просто безупречной нравственности, но духовной работы над собой – борьбы со злом в самом сердце на уровне помыслов и желаний, определяющих весь строй и ход нашей жизни.

Очевидным достоинством книги является ее язык. Александр Ткаченко обладает счастливой способностью говорить о сложных вещах просто и доходчиво, иллюстрируя свои мысли

яркими образами и сравнениями. Серьезное изложение материала он сочетает с тонким юмором, которым удачно растворяет свое повествование. Благодаря такой подаче материала, серьезная книга не становится скучной, читается легко и интересно.

Проф. Алексей Осипов

О том, что мешает нам жить

Синдром Кулдарова

В современном мире понятие «тщеславие» все менее воспринимается как негативное качество. В нынешнем словоупотреблении оно может приобретать вполне положительное значение, особенно с оговоркой: здоровое тщеславие. Для многих художников, музыкантов, артистов, спортсменов, ученых оно представляется вполне нормальным движением души, которое заставляет их стремиться к все большему совершенству на избранном поприще, причем принцип этот распространяется не только на творческие профессии. В любой сфере человеческой деятельности очень трудно представить себе карьерный рост человека, не имеющего тщеславных побуждений (как правило, «замаскированных» под амбиции, которые уж точно расцениваются как полезное качество работника).

Но почему же в христианстве тщеславие рассматривается как тяжелый недуг человеческой души, который очень легко в себе развить и невероятно трудно вылечить? Ведь тщеславие, в сущности – всего лишь желание нравиться окружающим, предстать перед ними в лучшем свете. Греховность убийства, воровства или супружеской измены очевидна даже для человека, далекого от религии. Тщеславие же намного труднее воспринимать как нечто опасное и плохое. Хотя, интуитивно и нецерковные люди чувствуют, что не так уж оно и хорошо, что есть в нем какая-то двойственность и нравственная неопределенность. Безудержное желание славы может выглядеть в человеке очень несимпатично. И как обидчивы тщеславные люди, тоже, наверное, знает каждый, кто хотя бы однажды имел неосторожность уделить их талантам недостаточно внимания.

Так что же это такое – тщеславие?

Явное и тайное

В рассказе Чехова «Радость» коллежский регистратор Митенька Кулдаров восторженно сообщает родным, что о нем написали в газете и теперь его имя узнает вся Россия. Правда, речь в газетной заметке шла всего лишь о том, как он в нетрезвом состоянии попал под извозчицьи сани, предварительно получив оглоблей по лбу. Но даже такая сомнительная популярность вызвала у молодого чиновника бурный восторг.

Может быть, это не самый типичный случай проявления тщеславия, однако здесь очень хорошо видна вся его несостоятельность: ведь любому человеку хвалиться в общем-то нечем. И дело не в комичности ситуации, описанной Чеховым. Конечно, пьяные приключения с лошадью случаются далеко не у всех, а уж хвастаться ими способны и вовсе немногие. Как правило, люди тщеславятся более благовидными поступками и достижениями.

Но все же каждый человек, сколь бы высокого ни был он о себе мнения, прекрасно знает, что есть в его жизни такие факты и события, которые он ни за что на свете не осмелился бы вынести на публику.

Да и тот же Митенька Кулдаров, получи он вдруг фантастическую возможность прославиться на весь мир с условием, что не только пьяные выходки, но абсолютно все его дела и мысли станут известны окружающим, в ужасе отказался бы от подобной «славы». Ведь в глубине души почти всякий человек знает себе цену, и недаром преподобный авва Исайя говорил: «...Горе нам, что мы, исполненные всякой скверны, услаждаемся похвалами человеческими». Об этом же писал Борис Пастернак в известном стихотворении с красноречивым названием «Быть знаменитым некрасиво»:

*...Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.*

Тщеславие вынуждает человека выставлять напоказ то, что он считает в себе достойным людского почитания. Но при этом оно с такой же силой заставляет его тщательно маскировать свои отрицательные качества, потихоньку укрепляя в мысли, что всех этих плохих, греховных, страшных качеств в нем как бы и нет вовсе.

В таком самообмане можно провести всю жизнь, но после смерти обманывать себя не удастся уже никому. Страшный суд, по учению Церкви, как раз и будет заключаться в том, что жизнь каждого человека окажется открыта в мельчайших подробностях, и такое «прославление» для многих может оказаться страшнее самой ужасной муки.

Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, чего не узнали бы (Лк 12:2).

В поисках утраченной славы

У тщеславия есть одна любопытная особенность: оно всеядно. Топливом для этого костра может стать абсолютно все – человеческие пороки и высочайшие добродетели, нищета и богатство, красота и безобразие... Тщеславие возникает на любой почве, для него не существует эстетических, нравственных или каких-либо иных ограничений. Если мы внимательно рассмотрим это свойство человеческой души, то с удивлением обнаружим, что нет такого качества, которым тщеславный человек не смог хотя бы в душе кичиться перед окружающими. Главное – прославиться, а уж какого рода будет эта слава, в общем-то неважно. Так, артисты или художники стремятся к популярности и признанию своего таланта, бандит и убийца находит удовлетворение в страшной молве, которая идет о его кровавых делах, а развратная женщина пишет книгу о своих интимных похождениях и радуется ее успеху у определенного круга читателей.

Из всего этого многообразия напрашивается вывод: очевидно, жажда славы в человеке не вполне обусловлена его нравственным состоянием или родом занятий. Скорее она является неким свойством, присущим самой человеческой природе.

Как это ни парадоксально, но в Церкви желание славы имеет положительное определение. Христианство утверждает, что Бог сотворил человека как владыку всего материального мира, как единственное в мироздании существо, объединявшее в себе телесное и духовное начало. Он стал венцом творения, его украшением и следовательно – пребывал в великой славе

до тех самых пор, пока в грехопадении не утратил этого величия. Отпав от своего Создателя, человек оказался всего лишь частью мира, над которым он изначально был призван царствовать. Грех исказил природу человека, лишил людей той славы, которую они получили от Бога при сотворении, но именно такое бесславное его состояние Церковь и считает противоестественным. Поэтому жажда славы и стремление к ее восстановлению отнюдь не считается в христианстве чем-то противоречащим человеческой природе.

Напротив, Священное Писание прямо говорит, что именно слава будет итогом праведной жизни христианина: *нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас (Рим 8:18); ...я, сопастырь и свидетель страданий Христовых и соучастник в славе, которая должна открыться (1 Пет 5:1).*

Но почему же, призывая людей к славе, Церковь так категорично осуждает тщеславие? Ответ прост и без труда прочитывается в самом слове: тщеславие – это тщетное стремление к ложной цели, напрасный поиск истинной славы там, где ее нет и быть не может.

Очень странные люди

Христианская аскетика рассматривает тщеславие как страсть, или, иначе говоря, как свойство человеческой природы, которое оказалось изуродовано грехом до неузнаваемости и превратилось в собственную противоположность. Вот как объясняет происхождение страстей преподобный Иоанн Лествичник:

«Бог не есть ни виновник, ни творец зла. Посему заблуждаются те, которые говорят, что некоторые из страстей естественны душе; они не понимают того, что мы сами природные свойства к добру превратили в страсти. По естеству, например, мы имеем семя для чадородия; а мы употребляем оное на незаконное сладострастие. По естеству есть в нас и гнев, на древнего оного змия; а мы употребляем оный против ближнего. Нам дана ревность для того, чтобы мы ревновали добродетелям; а мы ревнуем порокам. **От естества есть в душе желание славы, но только – горней».**

Желание человека стать лучше, чем он есть сейчас, жажда совершенства, стремление к добру – все это нормальные и здоровые движения нашей души. Но так же закономерно для человека и ожидание оценки своих трудов, надежда на то, что эта оценка будет положительной. Весь вопрос лишь в том, от кого мы ждем этой оценки и чьим мнением о нас мы так дорожим? Вот здесь и проходит разделительная черта между возрастанием в добродетели и страстью.

Естественная жажда славы превращается в тщеславие там, где люди по слову Писания *возлюбили больше славу человеческую, нежели славу Божию (Ин 12:43)*. При этом человек совсем не обязательно добивается от окружающих только похвалы. Нет, он может стремиться и к тому, чтобы его боялись, ненавидели или даже смеялись над ним.

Тщеславного пугает лишь одна перспектива – остаться незамеченным, затеряться в толпе и не получить очередной порции той самой человеческой славы, которая стала главным смыслом его существования. Но сами люди, мнением которых он так дорожит, ему малоинтересны. По большому счету он ценит окружающих лишь в качестве «благодарных зрителей» и не испытывает к ним любви, не стремится послужить им своими талантами.

Люди нужны ему только как зеркало, в котором он мог бы вдоволь полюбоваться на свое «совершенство». Очень хорошо выразил это состояние самолюбования французский писатель Антуан де Сент-Экзюпери в знаменитой сказке «Маленький принц»:

«На второй планете жил честолюбец.

– О, вот и почитатель явился! – воскликнул он, еще издали завидев Маленького принца. Ведь тщеславным людям кажется, что все ими восхищаются...

– Похлопай-ка в ладоши, – сказал ему честолюбец.

Маленький принц захлопал в ладоши. Честолюбец снял шляпу и скромно раскланялся.

«Здесь веселее, чем у старого короля», – подумал Маленький принц. И опять стал хлопать в ладоши. А честолюбец опять стал раскланиваться, снимая шляпу. Так минут пять подряд повторялось одно и то же, и Маленькому принцу это наскучило.

– А что надо сделать, чтобы шляпа упала? – спросил он. Но честолюбец не слышал. Тщеславные люди глухи ко всему, кроме похвал.

– Ты и в самом деле мой восторженный почитатель? – спросил он Маленького принца.

– А как это – почитать?

– Почитать значит признавать, что на этой планете я всех красивее, всех наряднее, всех богаче и всех умней.

– Да ведь на твоей планете больше и нет никого!

– Ну, доставь мне удовольствие, все равно восхищайся мною!

– Я восхищаюсь, – сказал Маленький принц, слегка пожав плечами, – но что тебе от этого за радость?

И он сбежал от честолюбца».

Трудно не согласиться с таким отношением Маленького принца. В своем стремлении понравиться окружающим мы просто не понимаем, что перед Богом каждый из нас живет как бы на своей маленькой планете, где кроме Него и нас никого больше нет. И все, что мы делаем, по здравому рассуждению может и должно быть устремлено лишь к одному виду славы – славе от Господа, который видит не только все наши дела, но и мотивы этих дел, все наши помышления и движения сердца. А чтобы вместо славы не подпасть под осуждение собственной совести, нужно стараться навести порядок в самых укромных и потаенных уголках своей жизни, о которых не знает никто на свете, кроме Бога и нас самих.

Но именно такого устремления людям катастрофически не хватает. По точному определению преподобного Максима Исповедника, «тщеславие есть отступление от цели по Богу и переход к другой цели, противоположной Божественной».

И наивно было бы считать, будто кто-то из нас полностью свободен от этого тяжелого недуга души. Ведь даже величайшие подвижники православного монашества с горечью признавали, что так и не сумели полностью избавиться от страсти тщеславия.

Вот что говорил об этом один из самых авторитетных духовников нашего времени архимандрит Иоанн (Крестьянкин):

«Господи! Мы еще страдаем тщеславием, то есть тщетной славой.

...Это столь тонкий и отвратительный вид духовной гордости, что оно старается быть при всяком добром деле. Послушайте, как говорит об этом грехе святой Иоанн Лествичник, и кайтесь Господу, узнавая себя, свое тщеславие в этих образах:

«...когда, например, храню пост – тщеславлюсь, и когда, скрывая пост от других, разрешаю пищу – опять тщеславлюсь благоразумием. Одевшись в красивую одежду – побеждаюсь любочестием, и, переодевшись в худую, опять тщеславлюсь. Говорить ли стану? Попадаю во власть тщеславия. Молчать ли захочу? Опять предаюсь ему. Куда ни поверни эту колючку, она всегда иголками кверху».

Мы любим похвалы! Если совестно, что хвалят в глаза, то хочется, чтобы хвалили нас заочно и думали о нас хорошо.

Господи, прости нас, мы все страдаем этим недугом!»

Перед лицом Господа

Тщеславие может проявлять себя очень разнообразно. Иногда эта страсть действует в человеке настолько открыто, что становится заметной даже со стороны. Но гораздо чаще она

бывает скрытой, завуалированной и искусно прячется под благими деяниями: щедростью, безотказностью, воздержанием.

Как это ни странно, но даже скромность может стать лишь удобной личиной для удовлетворения этой страсти. Ведь иногда так хочется выглядеть в глазах окружающих скромным. Любое, самое благородное движение нашей души может оказаться подверженным разрушительному воздействию тщеславия. А главным его признаком во всех проявлениях остается все то же предпочтение славы человеческой славе Божией.

Как же выстраивать свою жизнь, чтобы разрушить в себе эту трагическую подмену ценностей, каким образом возможно человеку возлюбить славу Божию не на словах только, а и на деле?

Очевидно, точно так же, как и в случае со славой человеческой. Ведь когда мы ищем славы у людей, то чаще всего стараемся им понравиться и делаем именно то, чего они ждут от нас. Значит, и для того, чтобы понравиться Богу, нужно хотя бы попытаться делать то, чего Он от нас ожидает. То есть – исполнять заповеди. Конечно, не в том дело, чтобы жизнью по заповедям можно было снискать некую благосклонность Бога. Господь любит нас, даже когда мы грешим и живем незаконно, потому что любовь Божия неизмеримо сильнее человеческих грехов и незаконий.

Но вот усвоить себе эту любовь, войти в нее, сделать ее доступной для своего поврежденного грехом сердца человек может лишь сам, через осознанное волевое усилие. По слову Блаженного Августина, Бог спасает нас не без нас. Нам самим необходимо участвовать в собственном спасении, и самый прямой путь этого участия – жизнь по Евангелию. Православие утверждает, что нравственные нормы, содержащиеся в заповедях Христовых, присущи самой природе человека и являются таким же объективным законом ее нормального существования, как биологические, физические и прочие законы. И когда человек нарушает эти нормы, он идет наперекор собственному естеству, со всеми вытекающими из этого печальными для себя последствиями.

Поэтому заповеди «не укради», «не ненавидь», «не завидуй» следует понимать в том же смысле, что и «не суй руку в горящие угли», «не ешь битое стекло», «не лижи железо на морозе». То есть не навреди себе.

Если человек игнорирует эти предостережения, данные в заповедях, то просто калечит себя собственными грехами. Если же старается жить по заповедям, кается в грехах, то с Божией помощью потихоньку восходит к замыслу Создателя о нем, восстанавливая в себе искаженный грехом образ Божий.

Это и есть – подлинная слава человека, та самая великая слава, к которой мы все призваны и которая в полной мере воссияет в нас после Второго Пришествия.

Сегодня трудно представить себе, в чем эта слава будет выражена конкретно. Писание говорит о ней образно, и образы эти могут показаться нам неинтересными и малопонятными. Белые одежды, пальмовые ветви, венцы – все это вряд ли привлечет внимание современного человека.

Можно, конечно, попытаться объяснить, что две тысячи лет назад в римской империи белые одежды считались символом чистоты и нравственной безупречности кандидата на государственную должность, а венец являлся знаком царского достоинства, но вряд ли такие пояснения сделают эти библейские образы близкими для нас. Слишком много веков прошло с тех пор, слишком сильно изменился мир со времен Апостольской проповеди.

И все же сегодня можно хотя бы отчасти понять смысл грядущей славы и радости, к которой призваны христиане. Ведь стяжать эту славу означает в сущности не что иное как – стать таким, каким тебя задумал Создатель. И радость появляется от сознания, что у тебя это все-таки получилось, что результат твоих усилий приятен Ему. Наверное, трудно сказать об этом лучше английского писателя-христианина К. С. Льюиса:

«...в Царство не войдешь, если не будешь, как дитя; а ребенок – не наглый, не капризный, хороший – сильно и открыто хочет, чтобы его похвалили. И собака этого хочет, и даже независимый кот.

То, что я много лет принимал за смирение, мешало мне понять самую смиренную, самую детскую, самую благочестивую радость – радость собаки перед лицом человека, ребенка перед лицом отца, ученика перед лицом учителя, твари перед лицом Господа.

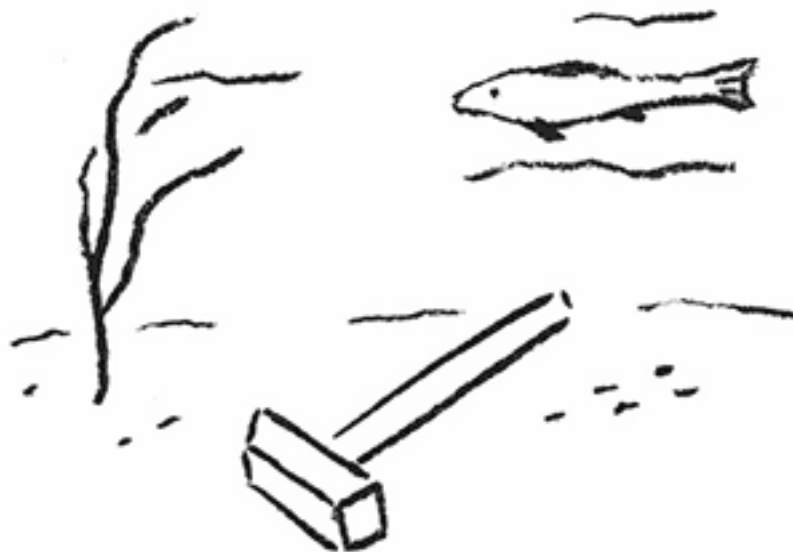
Я не забыл, как страшно она искажается, как быстро ее заглушают плевелы тщеславия и любования собой. Но бывает она и чистой – хоть ненадолго, хоть на минуту, в самом начале.

И тот, кто знает эту минуту, может представить себе, как спасенная душа узнает то, на что и надеяться не смела: Господь ею доволен. Тщеславие не грозит ей, она уже точно знает меру своей немощи; миг, навсегда излечивающий ее от ощущения приниженности, излечивает ее и от гордыни.

Совершенное смирение освобождает от скромности. Если Бог нами доволен, мы и сами в новом, непохожем на земной смысле можем быть довольны собой».

Обида

Обидеть человека легко. Чтобы постичь эту горькую истину, совсем не обязательно быть психологом или философом. Печальный опыт переживания нанесенной обиды имеется у всех людей без исключения, и каждому известно, как сильно может ранить душу одно-единственное недоброе слово. Обиды преследуют человека с самого раннего детства. В песочнице совсем еще маленький карапуз доводит до слез другого малыша, отнимая у него игрушку или ломая построенный им песочный домик. Очередное поколение школьников с радостным смехом мучает обидными кличками своих одноклассников, страдающих избыточным весом, слабым зрением или другими физическими дефектами. Ну а про то, как страшно, изощренно и безжалостно умеют обижать друг друга взрослые люди, и говорить лишний раз не хочется. И если тонко организованный, ранимый человек не может дать отпор оскорблению, предательству или подлости, то единственным аргументом в пользу собственной правоты для него становится чувство обиды.

Так почему же христианство покушается на этот последний оплот человеческого достоинства, почему оно призывает добровольно отказаться от неотъемлемого права – не прощать боли и слез тому, кто безжалостно ворвался в твою жизнь и опалил твое сердце? Что за парадоксальный призыв звучит в Евангелии: *...любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас (Лк 6:27–28)*? Наверное, это самая непонятная заповедь Христа. В самом деле: ну зачем любить тех, кто тебя ненавидит, обижает и гонит? Уж им-то, наверное, меньше всего на свете нужны наши любовь и прощение. Так для чего тогда принуждать себя к такому тяжелому и неблагодарному делу?

Почему нельзя мстить своим обидчикам, еще более-менее понятно: ведь если отвечать злом на зло, то вряд ли этого самого зла в мире станет меньше. С заслуженными обидами тоже все ясно, поскольку здесь действует простой и всем понятный принцип: заработал – получи и не жалуйся. А вот что делать, когда тебя обидели безо всякого повода, если наплевали в душу, растоптали и унизили просто потому, что так захотелось обидчикам? Неужели тоже – простить?

Когда хватаются за молоток

Один из лучших рассказов Василия Шукшина (который так и называется – «Обида») начинается с банальной и, увы, обыденной ситуации: человеку нахамили. Он пришел с маленькой дочкой в магазин купить молока, а продавщица по ошибке приняла его за хулигана, который накануне устроил здесь пьяный дебош. И сколько ни оправдывался бедный Сашка Ермаев, сколько ни объяснял людям вокруг, что он ни в чем не виноват, – все было напрасно. На глазах у дочери его опозорили, обругали последними словами невесть за что. Кончается рассказ страшной картиной: Сашка бежит домой за молотком, чтобы проломить голову одному из своих обидчиков. И лишь счастливая случайность мешает ему совершить убийство.

Это, конечно, всего лишь художественное произведение. Но в нем Шукшин сумел удивительно точно показать странную особенность человеческой души – остро и очень болезненно реагировать на несправедливые обвинения. В самом деле, ну что за беда, если про тебя говорят гадости, к которым ты не имеешь никакого отношения! Ведь совесть твоя чиста и, казалось бы, тут впору просто рассмеяться и пожалеть людей, которые так глубоко заблуждаются на твой счет. Но не тут-то было... Стоит кому-либо плохо отозваться о нас – и сразу же в душе поднимается волна неприязни к этому человеку. А уж если обидчик будет упорствовать в своих нелепых обвинениях, эта неприязнь может перерасти в настоящую ненависть, застилающую глаза, отвергающую здравый смысл и требующую лишь одного – отплатить обидчику во что бы то ни стало. В таком состоянии и впрямь недолго схватиться за молоток...

Что же это за страшная сила, способная толкнуть честного и добропорядочного человека на преступление лишь потому, что кто-то наговорил ему разного вздора?

На языке христианской аскетики такая сила называется страстью, но, конечно же, не в том смысле, который вкладывают в это слово авторы лирических стихов и любовных романов. В христианском понимании страсть – это некое свойство человеческой природы, которое изначально было добрым и полезным, но впоследствии оказалось изуродовано грехом до неузнаваемости и превратилось в опасную болезнь. В святоотеческой литературе говорится о восьми основных греховных страстях, в той или иной мере присущих каждому человеку: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость. Все эти страсти-болезни до поры прячутся в нас, оставаясь незамеченными, хотя на самом деле могут исподволь определять весь строй нашей жизни. Но стоит окружающим хотя бы чуть-чуть коснуться этих болячек, как они тут же дают о себе знать самым непосредственным образом.

Собственно, именно это и случилось с героем шукшинского рассказа. Ведь Сашка Ермаев и в самом деле был абсолютно не виноват в тех безобразиях, которые ему приписала продавщица. Но несправедливое обвинение больно ударило по его тщеславию и гордости, а те, в свою очередь, возбудили гнев. В результате симпатичный и добрый человек едва-едва не стал убийцей.

Бестолковая продавщица и равнодушные покупатели, поддержавшие ее нападки на невинного, безусловно, были не правы. И обижать людей, конечно же, нельзя, об этом даже говорить излишне. Но вот воспринимать нанесенную обиду можно все-таки очень и очень по-разному.

Можно схватиться за молоток. А можно заглянуть в свое сердце и ужаснуться той мути, которую в нем подняла несправедливая обида. Именно в такой ситуации легче всего увидеть свое духовно болезненное состояние, понять, как глубоко страсть пустила в тебе свои корни. И тогда обидчики становятся пускай и невольными, но все же – благодетелями, которые открывают человеку его духовные недуги своими неосторожными или даже злыми словами и поступками.

Вот как говорил об этом святой праведный Иоанн Кронштадтский: «...не раздражайся насмешками и не питай ненависти к ненавидящим и злословящим, а полюби их, как твоих врачей, которых послал тебе Бог для того, чтобы вразумить тебя и научить смирению, и помолись о них Богу... Говори: они не меня злословят, а мою страсть, не меня бьют, а вот эту змейку, которая гнездится в моем сердце и сказывается больно в нем при нанесении злословия. Утешаюсь мыслию, что, быть может, добрые люди выбьют ее оттуда своими колкостями, и не будет тогда болеть оно».

От уголька до пожара

Очень часто люди обижаются на, казалось бы, совершенно безобидные вещи. Достаточно бывает не то что слова – одного лишь взгляда, жеста или интонации, чтобы человек увидел в них нечто оскорбительное для себя. Странное дело: ведь никто же и не думал никого обижать, а обида снова – тут как тут, скребет сердце когтистой лапой и не дает жить спокойно.

Парадокс здесь заключается в том, что любая непрощенная обида всегда является «произведением» самого обиженного человека и вовсе не зависит от чьих-либо посторонних усилий или от их отсутствия. На это прямо указывает даже грамматическое строение слова «обиделся». Ведь в данном случае «ся» – это ни что иное, как вышедшая ныне из употребления славянская огласовка местоимения – «себя». Таким образом, *обиделся* означает – *обидел себя*, то есть дал волю мыслям, разжигающим в душе сладкую смесь из сознания собственной униженности и чувства нравственного превосходства над обидчиком. И хотя люди не любят признаваться в таких вещах даже самим себе, но каждому еще с детства известно, как приятно иногда бывает ощутить себя обиженным. Есть в этом какое-то нездоровое наслаждение, пристрастившись к которому начинаешь искать обиду даже там, где ее и в помине не было.

Ф. М. Достоевский в «Братьях Карамазовых» пишет: «Ведь обидеться иногда очень приятно, не так ли? И ведь знает человек, что никто не обидел его, а что он сам себе обиду навывдумал и налгал для красоты, сам преувеличил, чтобы картину создать, к слову привязался и из горошинки сделал гору, – знает сам это, а все-таки самый первый обижается, обижается до приятности, до ощущения большего удовольствия, а тем самым доходит и до вражды истинной...»

В этой всем знакомой болезненной «приятности» обиды можно найти ответ на вопрос: почему в христианстве непрощенная обида определяется как тяжкий грех. Если говорить совсем кратко, словом грех Церковь называет то, что противоречит замыслу Божию о человеке. Иначе говоря, грехом является все, что противно нашему естеству, разрушает нас, вредит нашему душевному или телесному здоровью, но при этом обещает некоторое кратковременное удовольствие и потому представляется желанным и приятным. Самоубийственный принцип влечения человека к греховным «радостям» довольно точно выражен в знаменитой Пушкинской строке:

*...Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья...*

Еще более категорично определял разрушительную сладость греха преподобный Исаак Сирин, говоривший, что грешник подобен псу, который лижет пилу и пьянеет от вкуса собственной крови.

Нетрудно заметить, как сильно этот трагический образ напоминает упоение собственной обидой, описанное Достоевским. И даже если обида окажется не надуманной, а самой что ни на есть настоящей, это ровным счетом ничего не меняет.

Уголек обиды можно тщательно раздувать в своем сердце размышлениями о несправедливости случившегося, бесконечными мысленными диалогами с обидчиком, сознанием собственной правоты и прочими способами, которых у обиженного человека всегда найдется великое множество. А в результате всех этих «духовных упражнений» обида из маленького уголька постепенно превращается в бушующее пламя, которое может полыхать в душе долгие месяцы, а то и годы. И если из-за чужого обидного слова или поступка человек разжег такой пожар в собственной душе, то вполне закономерно будет сказать о нем, что он – обиделся. То есть – обидел себя сам.

Право на обиду?

Несколько десятилетий назад в советской культуре возник положительный образ обидчивого героя (правда, обидчивость его для благозвучия была тогда стыдливо переименована в ранимость). Этот типаж кочевал по различным художественным произведениям, тихо обижаясь на несправедливости и притеснения, которые проливным дождем сыпались на него из щедрой авторской руки. Так писатели и кинематографисты выражали свой протест против людской черствости, пытаясь привлечь внимание аудитории на страдание и одиночество человека в бездушном обществе людей-винтиков. Цель была, безусловно, благородной, и образ ранимого героя работал здесь как нельзя лучше. Но, к сожалению, у всякой палки – два конца. Обратной стороной этого художественного метода стала романтизация самой обиженности. Ведь если тот, кто обижает, – плохой, значит, тот, кто обижается, – хороший. Следовательно: обижать – плохо, а обижаться – хорошо.

Результат такого переноса нравственной оценки самого героя на его душевное состояние трудно назвать положительным: на тех же прекрасных, пронзительных и добрых рассказах Василия Макаровича Шукшина выросло целое поколение очень ранимых, а на самом деле – просто обидчивых людей. Право на обиду они считали вполне нормальным атрибутом человека с тонкой душевной организацией, поэтому чрезвычайно остро реагировали на малейшее проявление чужого хамства и душевной черствости. Такую нравственную позицию весьма убедительно озвучил в своем лирическом стихотворении Эдуард Асадов:

*Как легко обидеть человека:
Взял и бросил слово, злее перца...
А потом порой не хватит века,
Чтоб вернуть потерянное сердце.*

На первый взгляд здесь все правильно и понятно. И обижать человека нельзя ни в коем случае, и за своими словами при общении нужно следить – все так. Но есть в этом коротком стихотворении еще одна очень важная тема, которая идет как бы вторым планом и потому не так заметна. Обиженный герой (оставшийся, что называется, за кадром) оказывается настолько ранимым, что из-за одного злого слова готов навсегда закрыть свое сердце для человека (причем – для человека близкого, поскольку потерять можно лишь то, что было твоим). От такой категоричности героя, от этой его нетерпимости к чужим слабостям и недостаткам становится тревожно, прежде всего за него самого. Ведь с подобной «тонкостью» натуры в конце концов можно и вовсе остаться в гордом одиночестве, обидевшись на весь мир. А такое состояние куда как страшнее и губительнее, чем самые злые слова и оскорбления. Обиженный человек заживо хоронит себя в скорлупе собственных претензий к окружающим, и освободить его из такого страшного заточения не сможет даже Господь. Потому что разбить эту скорлупу можно лишь изнутри, искренне простив своих обидчиков. И пускай обидчики совершенно не нуждаются в нашем прощении. Зато в нем остро нуждаемся мы сами.

Священномученик Арсений (Жадановский), убитый большевиками в 1937 году, писал: «Добродетель всепрощения еще тем привлекательна, что она тотчас же приносит за себя награду в сердце. На первый взгляд тебе покажется, что прощение унизит, посрамит тебя и возвысит твоего недруга. Но не так в действительности. Ты не примирился и, по-видимому, высоко поставил себя – а смотри, в сердце свое ты положил гнетущий, тяжелый камень, дал пищу для душевного страдания. И наоборот: ты простил и как бы унизил себя, но зато облегчил свое сердце, внес в него отраду и утешение».

Два свидетельства

Может показаться, будто прощение для христиан – легкое дело, раз уж они настолько хорошо знают, в чем его смысл. Однако это совсем не так. Прощение обид – всегда подвиг, в котором сквозь свою боль и унижение нужно увидеть в обидчике такого же человека, как и ты сам, а сквозь его злобу и жестокость разглядеть те же духовные болезни, которые действуют и в тебе тоже. Сделать это очень непросто, особенно в тех случаях, когда обида уже пустила в душе глубокие корни, и даже осознанное волевое усилие не всегда помогает в борьбе с этой бедой.

Случается, например, что человек простил своего обидчика, но когда тот снова наносит обиду, то в возмущенной душе резко оживает и прежнее зло. Бывает так, что и обида забыта, и обидчик прощен, но если с ним случается беда, мы испытываем какое-то тайное жестокое удовлетворение. А если преодолели и эту ступень, то все же порой не можем сдержать недоумения и разочарования, когда узнаем о благополучии того, кто нас обидел когда-то. Формально прощая причиненную обиду, мы в глубине души все же продолжаем считать его своим должником и подсознательно надеемся на то, что Бог воздаст ему по заслугам. Но совсем не этого упования на грядущее возмездие ожидает от нас Господь.

Митрополит Сурожский Антоний после войны работал врачом и много общался с бывшими жертвами фашистских концлагерей. Это были люди, которых несколько лет подряд каждый день обижали так страшно, что об этом нельзя даже подумать без содрогания. Но что же они вынесли из этого многолетнего опыта обид и унижений, как относились к своим обидчикам? Владыка Антоний приводит в своей книге два уникальных документа – молитву, написанную на клочке оберточной бумаги погибшим узником лагеря смерти Дахау, и рассказ своего старого знакомого, который сам провел за колючей проволокой четыре года. Наверное, можно сколь угодно долго теоретизировать о христианском всепрощении, соглашаться с ним, или его оспаривать... Но перед этим единодушным свидетельством двух людей, перенесших невыносимые страдания, хочется просто склонить голову и благоговейно умолкнуть:

«Мир всем людям злой воли! Да престанет всякая месть, всякий призыв к наказанию и возмездию. Преступления переполнили чашу, человеческий разум не в силах больше вместить их. Неисчислимы сонмы мучеников.

Поэтому не возлагай их страдания на весы Твоей справедливости, Господи, не обращай их против мучителей грозным обвинением, чтобы взыскать с них страшную расплату. Воздай им иначе! Положи на весы, в защиту палачей, доносчиков, предателей и всех людей злой воли – мужество, духовную силу мучимых, их смирение, их высокое благородство, их постоянную внутреннюю борьбу и непобедимую надежду, улыбку, осушавшую слезы, их любовь, их истерзанные, разбитые сердца, оставшиеся непреклонными и верными перед лицом самой смерти, даже в моменты предельной слабости. Положи все это, Господи, перед Твоими очами в прощение грехов, как выкуп, ради торжества праведности, прими во внимание добро, а не зло! И пусть мы останемся в памяти наших врагов не как их жертвы, не как жуткий кошмар, не как неотступно преследующие их призраки, но как помощники в их борьбе за искоренение разгула их преступных страстей...»

Второй пример – человека, которого я очень близко знал. Он был старше меня значительно, участник первой мировой войны, где он потерял руку; он вместе с матерью Марией Скобцовой спасал людей во время немецкой оккупации – Федор Тимофеевич Пьянов. Его взяли немцы в лагерь, он четыре года там был, остался в живых. Когда он вернулся, я его встретил случайно на улице, говорю: – Федор Тимофеевич, что вы принесли обратно из лагеря, с чем вы вернулись? – Я вернулся с ужасом и тревогой на душе. – Вы что, потеряли веру? – Нет, – говорит, – но пока в лагере я был жертвой жестокости, пока я стоял перед опасностью не только смерти, но пыток, я каждую минуту мог говорить: Господи, прости им, они не знают, что творят! И я знал, что Бог должен услышать мою молитву, потому что я имел право просить. Теперь я на свободе; наши мучители, может быть, не поняли и не раскаялись; но когда я говорю теперь: Господи, прости, они не знают, что творят, – вдруг Бог мне ответит: а чем ты докажешь искренность своего прощения? Ты не страдаешь, теперь тебе легко говорить...

Вот это тоже герой прощения.

И я глубоко уверен, что в конечном итоге, когда мы все станем на суд Божий, не будет такой жертвы, которая не станет в защиту своего мучителя, потому что раньше, чем придет время окончательного Страшного суда над человечеством, каждый, умерев, успеет на себя взглянуть как бы в зеркале Божества, увидеть себя по отношению ко Христу, увидеть, чем он был призван быть и не был, и уже не сможет осудить никого» (из книги митрополита Антония Сурожского «Человек перед Богом»).

Ошибка Сальери

Почему люди завидуют друг другу? На первый взгляд, этот простой вопрос предполагает такой же простой и очевидный ответ: в нашем мире одни люди напрочь лишены тех житейских благ, которыми другие обладают в полноте и даже в избытке. Таким образом, проблема в том, что несправедливо устроен сам мир, а зависть является всего лишь реакцией обделенной части человечества на эту фундаментальную несправедливость. Потому-то бедные и завидуют богатым, некрасивые – красивым, бездары – талантливым, больные – здоровым...

Казалось бы, ответ на вопрос о природе зависти вполне логичен, однако в реальной жизни такое объяснение почему-то не срабатывает. Ведь завидовать можно не только богатству и красоте, но и вообще чему угодно. Человек среднего достатка завидует преуспевающему бизнесмену, глядя на его шикарный коттедж и дорогие автомобили. Но этот же самый бизнесмен, чье время расписано буквально по минутам, а количество дел и забот значительно превышает его естественные возможности, с завистью смотрит на рядового сотрудника своей компании, который после рабочего дня спокойно идет домой и тут же забывает обо всех служебных делах. Бездетный завидует тем, у кого есть дети, а многодетный нет-нет да и позавидует тому, кто живет исключительно для себя. Старик завидует молодости подростков, играющих в футбол у него под окнами, а мальчишки завидуют взрослым и мечтают побыстрее вырасти. Иногда зависть направлена на предметы и вовсе уж странные. Так, в известной частушке послевоенной поры с горькой иронией высмеивалась абсурдная способность человека завидовать даже чужому горю:

*Хорошо тому живется, у кого одна нога,
Ему пенсия дается, и не надо сапога.*

Получается какая-то странная картина: каждый человек чем-либо обделен и в то же время сам является обладателем неких благ, вызывающих зависть у окружающих. Но почему же люди никогда полностью не удовлетворены тем, что имеют? Почему, по меткой народной поговорке, любой кусок в чужих руках всегда кажется толще и вкуснее?

Известный булгаковский персонаж Полиграф Полиграфыч Шариков полагал, что для достижения всеобщего довольства людям нужно «все взять и поделить». К сожалению, этот

простой рецепт от говорящей собаки ни разу не оправдал себя в человеческой истории. Дело в том, что поделить можно только материальные блага. А вот как распределить на всех поровну талант и ум, красоту и здоровье? Ведь даже самое справедливое общественное устройство не сможет отменить разделение людей на талантливых и бездарных, умных и бестолковых. И если рассуждать последовательно, то неизбежно придется признать, что причины зависти выходят за рамки социальной проблематики, а обида на неравное распределение благ между людьми по большому счету всегда обращена к Тому, Кого Церковь называет Подателем всех благ. То есть – к Богу. Ведь не случайно самый знаменитый литературный завистник – пушкинский Сальери, жестоко страдающий от несопоставимости своего скромного таланта с музыкальным гением Моцарта, – адресует свои претензии отнюдь не к королевскому двору и не к музыкальным критикам, а прямо к Небесам:

*Все говорят: нет правды на земле.
Но правды нет – и выше...
...О Небо!
Где ж правота, когда священный дар,
Когда бессмертный гений – не в награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений послан —
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного?*

И если корни зависти уходят в область отношений человека и Бога, разумно было бы выяснить, что же говорит об этом свойстве человеческой души христианская религия.

Единственный критерий

В финале кинокартины Никиты Михалкова «Свой среди чужих, чужой среди своих» пойманный чекистом Шиловым ротмистр Лемке, так и не сумевший уйти с украденным золотом за границу, отчаянно кричит, глядя в небо: «Господи! Ну почему ж Ты помогаешь этому кре-тину, а не мне?». Оставив в стороне сюжет фильма и историческую достоверность этой ситуации, нужно признать, что сам вопрос поставлен ротмистром предельно точно и направлен по правильному адресу.

«Господи, почему не мне, а ему?» – любой внимательный человек, хотя бы раз ловивший себя на зависти, знает, что это чувство сводится в конечном счете именно к такому недоумению и к обиде на Бога. И не так уж важно, что именно досталось «не мне, а ему» – ученая степень или новая машина, способность к стихосложению или банковский счет. Ведь каждый из нас понимает, что есть в жизни такие вещи, которых мы не могли бы достичь даже самыми отчаянными усилиями, и далеко не все в нашей судьбе определяется трудолюбием и усердием. Например, мальчик, родившийся в семье преуспевающего бизнесмена или политика, уже по самому факту своего рождения именно в этом семействе имеет ряд колоссальных преимуществ перед сыном фрезеровщика с завода имени Лихачева. А человеку с врожденным абсолютным слухом освоение музыкальной науки дается гораздо легче, чем бедолаге, которому, что называется, в детстве медведь на ухо наступил. Так почему одни уже с колыбели имеют то, чего другие не в состоянии приобрести даже тяжким многолетним трудом?

Если не сводить нашу судьбу к безумной игре слепого случая, то остается лишь одно разумное объяснение подобного неравенства: жизнь каждого человека складывается не только из его собственных усилий, но и из Божьего замысла о нем, из тех качеств, условий и обстоятельств жизни, которыми Господь его наделил. По видимости эти условия могут разительно

отличаться друг от друга, но христианство утверждает, что Бог одинаково любит каждого из нас и каждому человеку в любое мгновение его жизни. Он дает именно те возможности и условия, которые наиболее полезны для него в духовном смысле. Ведь ни деньги, ни положение в обществе, ни творческие способности – вообще никакие внешние и внутренние качества человеческой жизни не рассматриваются в христианстве как безусловное благо. Главный вопрос Евангелия имеет совершенно иной смысл и направленность: *что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?* (Лк 18:18). Куда ведут человека талант и богатство, нищета и болезнь – к вечной жизни или к вечной гибели? Вот единственный абсолютный критерий, по которому с позиции Евангелия можно судить о ценности всего, что мы имеем здесь, на земле. Лишь в перспективе вечности все земные условия нашего существования приобретают то или иное значение.

Например, талантливый человек может прийти к вере и славить Господа своим искусством, а может и погубить свою душу, развив в себе чудовищное самомнение и гордость.

Но и человек без ярко выраженных творческих дарований также может достичь полноты бытия и самореализации, а может довести себя до крайних степеней зависти к людям более талантливым и даже, подобно пушкинскому Сальери, пойти на преступление.

Наличие художественных, литературных, музыкальных талантов или их отсутствие являются лишь условиями, в которых каждый человек может реализовать свой самый главный талант – способность наследовать Небо.

С точки зрения вечности судьба любого человека зависит вовсе не от обстоятельств его жизни, а лишь от того, как он реализует себя в этих обстоятельствах, определенных ему Богом. Ведь Господь знает духовное устройство каждого из нас и по Своей любви предоставляет любому человеку условия земной жизни, наиболее благоприятные для приобретения жизни вечной. Поэтому возмущенный вопрос завистливого сердца: «Господи, почему не мне, а ему?» – всегда предполагает сомнение именно в этой Божьей любви, в благодати и пользе Его определений.

Святитель Василий Великий прямо называет зависть враждой на то, что дано нам от Бога, противлением Богу. В такой жесткой формулировке нет ничего удивительного, если вспомнить, что, по слову Священного Писания, именно через эту страсть в мир вошла смерть, а самым первым завистником был... дьявол: *Бог создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия Своего; но завистью диавола вошла в мир смерть* (Прем 2:23–24).

Две молитвы

В песне Булата Окуджавы «Молитва Франсуа Вийона» звучит наивное пожелание автора:

*Пока Земля еще вертится, пока еще ярок свет,
Господи, дай же Ты каждому, чего у него нет.*

Эта просьба к Богу выражает определенную идею, напрямую относящуюся к теме зависти. Действительно, почему бы Богу не дать каждому всего и вволю?

Ведь тут предполагается уже не примитивный уравнилельный «социализм» Шарикова, когда для того, чтобы что-то дать одному человеку, это «что-то» сначала нужно непременно отобрать у другого. Здесь рассуждение гораздо изящней и тоньше: мы веруем в то, что Бог всемогущ, а значит, Он не имеет нужды в распределении уже имеющихся благ и вполне может удовлетворить все возможные потребности каждого человека без малейшего ущерба для остальных людей. Следовательно, если Бог это сделает, то зависть тут же прекратит существовать как явление, поскольку в душах облагодетельствованного человечества для нее просто не оста-

нется оснований. Так почему же Всемогущий Господь до сих пор не дал каждому то, чего у него нет?

Ответ на «Молитву Франсуа Вийона» нетрудно найти в Послании апостола Иакова: *Желаєте – и не имеете; убиваете и завидуете – и не можете достигнуть; препираетесь и враждуете – и не имеете, потому что не просите. Просите, и не получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вожделений* (Иак 4:2–3).

Бог действительно всемогущ, действительно любит людей и, конечно же, всегда готов дать каждому из нас любые блага. Но вот готовы ли мы их принять – большой и очень непростой вопрос. В самом деле, что получилось бы, например, если бы Господь по просьбе поэта все-таки дал всем, рвущимся к власти, «навластвовать всласть»? И какой страшной ценой пришлось бы оплачивать эту их «любовь к сладкому» остальным людям, оказавшимся под властью тех, кто воспринимает власть как источник собственного удовольствия? Да тут впору просить Бога как раз об обратном – молить Его, чтобы властолюбцы, рвущиеся к власти, никогда не получили к ней доступа. То же самое можно сказать и о богатстве, и о славе, и еще о многих и многих благах, которые вместо радости могут принести стремящимся к ним людям величайшие бедствия.

В своем нынешнем отпадении от Бога человек может желать даже того, что прямо грозит ему гибелью. По логике стихотворения Булата Окуджавы, Богу следовало бы в придачу к власти для властолюбцев так же выдать всем похмельным алкоголикам талоны на бесплатный портвейн, наркоманам – гарантированную ежедневную дозу героина, а страдающим гипертонией и холециститом любителям жирного мяса – гору жареных куриных окорочков на завтрак, обед и ужин. Конечно, это наиболее яркие примеры самоубийственных желаний человека получить «то, чего у него нет». Но через них можно понять и общий принцип: если Бог не дает человеку то, к чему тот стремится, значит, у Бога есть к этому достаточные резоны. Поскольку Он, в отличие от нас, совершенно точно знает – кому, когда и что может оказаться полезным или вредным.

После некоторых операций на внутренних органах человеку какое-то время нельзя пить. В этот период больному вводят внутривенно физиологический раствор, снимающий жажду. И все же он очень завидует тем, кому доступна элементарная возможность: вдоволь напиться обыкновенной воды. Помочь в борьбе с этой завистью ему может лишь ясное понимание суровой истины: пить в его состоянии ни в коем случае нельзя, иначе он просто погибнет.

Просить у Бога то, чего у тебя нет, порой бывает так же неразумно, как и требовать у врача воды для такого послеоперационного больного. Поэтому в молитве святителя Московского Филарета звучит совсем иная просьба к Господу: «Господи, не знаю, чего мне просить у Тебя! Ты Един ведаешь, что мне потребно. Ты любишь меня паче, нежели я умею любить Тебя. Отче, даждь рабу Твоему, чего сам я просить не умею. Не дерзаю просить ни креста, ни утешения, только предстою пред Тобою. Сердце мое Тебе отверсто; Ты зришь нужды, которых я не знаю. Зри и сотвори по милости Твоей. Порази и исцели, низложи и подыми меня. Благоговею и безмолвствую пред Твоею святою волею и непостижимыми для меня Твоими судьбами. Приношу себя в жертву Тебе, предаюсь Тебе. Нет у меня другого желания, кроме желания исполнять волю Твою; научи меня молиться. Сам во мне молись! Аминь».

Когда появляется дракон

Часто завистью называют болезненное желание человека получить то, что кажется ему привлекательным и чем владеют другие люди. В известном смысле это верно. И все-таки это еще не та зависть, которая, по слову Отцов, уподобляет человека демонам. В нравственном богословии такой однобокий взгляд на чужое преуспевание принято называть грехом своеко-

рыстного пожелания. Как и в любом грехе, в нем, конечно, нет ничего хорошего, и все же это еще не зависть в полном своем развитии, а лишь ее преддверие. Есть известная притча, содержание которой можно свести к следующему сюжету: человеку было обещано исполнение любого желания, но с условием, что его сосед получит того же, но в два раза больше, чем он сам. Человек долго думал, а потом пожелал... чтобы ему выбили один глаз и оторвали одну руку.

Это и есть главная черта настоящей зависти – желание зла тем, кому завидуешь.

Механизм появления в человеческой душе этого разрушительного чувства довольно прост: глядя на преуспевающего в чем-либо человека, завистник сначала желает себе таких же благ, потом огорчается их отсутствием.

А когда ему становится ясно, что этих благ ему никогда не достигнуть, он начинает мечтать уже о том, чтобы их лишился и сам обладатель. Вот тогда и созревает в человеке этот страшный дракон – злая зависть, о которой говорил святитель Илия Минятей:

«Зависть есть печаль из-за благополучия ближнего, которая... ищет не добра для себя, а зла для ближнего. Завистливый хотел бы видеть славного бесчестным, богатого – убогим, счастливого – несчастным. Вот цель зависти – видеть, как завидуемый из счастья впадает в бедствие».

Такое расположение человеческого сердца становится стартовой площадкой для заказных убийств, в него уходят корнями кражи и угоны автомобилей, умышленные поджоги и порча чужого имущества. А также бесчисленное множество больших и мелких пакостей, которые люди творят только ради того, чтобы другому человеку стало плохо или хотя бы перестало быть хорошо.

Можно возразить: ведь совсем не обязательно зависть выражает себя в реальном действии подобного рода. Человек может просто завидовать по-тихому, в душе, и никому при этом не вредить.

Да, по большей части так оно и бывает. Каждый из нас кому-то завидует, но далеко не каждый при этом делает другим гадости или совершает преступления. Однако и преступники не сразу стали способными на кражи и убийства, они ведь тоже начинали с вполне безобидных, как им тогда казалось, мальчишеских фантазий о том, что «хорошо бы иметь такие кроссовки, такую куртку или такой мобильник, как у вон того пацана». В том и трагизм ситуации, что человек не в состоянии абсолютно точно определить – за каким именно поворотом судьбы зависть из мечтаний превратится для него в лютого зверя, с которым он уже не сможет справиться.

А если и не вырвется этот зверь наружу в виде преступления, то разве легче от этого будет самому завистнику? Ведь, в конце концов, таким страшным чувством он просто преждевременно загонит в себя в могилу, но даже смерть не прекратит его страданий. Потому что после смерти зависть будет терзать его душу с еще большей силой, но уже без малейшей надежды на ее утление...

Выход из лабиринта

Как же бороться с завистью? Ответ не так трудно найти, если помнить, что суть любого греха – в отпадении от Бога. Зависть в основе своей имеет очень верное и адекватное ощущение утраты связи человека с его Создателем. Человек чувствует, что потерял нечто очень важное, без чего его жизнь пуста и несчастна. Только он не знает, что же это было.

И в поисках утраченного, словно в лабиринте, начинает метаться между различными целями, каждая из которых неизбежно оказывается ложной. Потому что никакое земное благо не может заменить собой Подателя всех этих благ.

Избавить себя от такого пагубного заблуждения можно лишь одним способом. Святитель Василий Великий пишет: «Мы можем избежать зависти, если из человеческого не будем почи-

тать великим и чрезвычайным ни того, что люди называют богатством, ни увядающей славы, ни телесного здоровья, но будем стремиться к приобретению благ вечных и истинных».

А единственным вечным и истинным благом для человека является лишь то, что никогда, никто и ни при каких обстоятельствах не сможет у него отнять. Таким благом может стать лишь наше общение с Богом, соединение человеческого духа с Духом Божиим во взаимной любви, которая не прекратится даже после нашей физической смерти.

Если искать именно этого блага, если стремиться к нему, стараясь выстраивать свою жизнь по Евангелию, тогда и завидовать никому уже не придется. Ведь все Евангельские заповеди, в сущности, направляют человека к единственной цели – сделать главным содержанием его жизни любовь к Богу и другим людям.

Завидовать же можно лишь тем, кого не любишь, к кому испытываешь пусть легкую, но все же неприязнь. А там, где есть любовь или хотя бы стремление к ней, зависти уже нет места. Так, мать не может завидовать своему ребенку просто потому, что любит его, радуется его радостям и любой его успех воспринимает как свою собственную победу.

Не судите?

Эммануил Кант говорил, что более всего в мире его изумляет вид звездного неба над нами и нравственный закон внутри нас. Этот закон совести является универсальным для всего человечества и не зависит от культурных, национальных или религиозных различий между людьми. Стремление к добру так же естественно для каждого из нас, как, например, способность мыслить, разговаривать или ходить на задних конечностях.

Поэтому, заповеди «не убий», «не укради», «не желай жены ближнего своего» даже для человека, который еще только знакомится с жизнью Церкви, не становятся открытием чего-то принципиально нового и неожиданного. Но вот евангельская заповедь о неосуждении очень часто вызывает недоумение и целый ряд вопросов.

Ведь если муниципальный чиновник покупает себе иномарку, по стоимости равную его жалованию за двадцать лет беспорочной службы, то осуждение вызывает вовсе не его любовь к качественной и удобной технике.

Женатого мужчину, который завел себе роман на стороне, знакомые осуждают совсем не за то, что он примерный отец, а спившегося саксофониста – отнюдь не за его виртуозное владение музыкальным инструментом. Ни один, даже самый предвзятый, дотошный и въедливый критик не станет порицать кого-либо за добрые и полезные дела. Поводом к осуждению может стать лишь безнравственное поведение, неблагоприятный поступок или преступление. Но почему же тогда Церковь так настойчиво призывает христиан никого не осуждать ни делом, ни словом, ни даже мыслью? Ведь очень часто бывает, что человек явно грешит на глазах у всех, и никаких сомнений в его греховности не может возникнуть даже у самого наивного альтруиста и романтика.

В любой традиционной религии осуждение и даже наказание подобных людей является нормой для каждого верующего.

В древнем Израиле, например, благочестивые иудеи должны были до смерти забить камнями грешника, уличенного в супружеской измене. А в тех мусульманских странах, где в основной уголовный права является шариат, взятому с поличным грешнику и в наши дни грозит

тяжкое физическое наказание, вплоть до смертной казни. С точки зрения обычной человеческой логики это вполне нормально: преступление требует наказания, а грех – возмездия.

Однако Евангельский принцип отношения к грешникам решительно противоречит подобному рассуждению. Своей земной жизнью Иисус Христос показал людям ту норму человечности, к которой все мы призваны, и поэтому любой поступок Христа, описанный в Евангелии, является эталоном поведения для каждого человека, искренне стремящегося исполнить волю Божию.

Что же говорит Евангелие об отношении Христа к грешникам? Только одно: Он их не осуждал, но относился к ним с любовью и жалостью. Христос не осудил женщину, взятую в прелюбодеянии (Ин 8:11); не осудил жителей Самарянского селения, отказавшихся дать Ему пищу и кров (Лк 9: 51–56); и даже Иуду, пришедшего предать Его на мучительную смерть, Господь не исключил из числа Своих друзей (Мф 26: 50). Более того: первым человеком, которого Христос ввел в Рай, был покаявшийся бандит и убийца, распятый за свои грехи (Лк 23: 32–43).

Евангелие упоминает лишь одну категорию людей, которая подверглась осуждению Христа. «Змиями» и «порождениями ехиднины» Господь назвал первосвященников, книжников и фарисеев. Это была религиозная элита иудейского народа, то есть, именно те люди, которые как раз и считали себя вправе осуждать грешников.

В чем же причина такого парадоксального отношения к грешникам в христианстве, и почему в Православии любая форма негативной оценки даже очевидно согрешившего человека считается тягчайшим грехом? Для того, чтобы ответить на эти вопросы, необходимо сначала выяснить: а как вообще понимается грех в Православии?

Принцип бинокля

В греческом языке грех называется словом «амартия», что в буквальном переводе на русский означает «мимо цели», «промах». До грехопадения любое действие человека имело своей целью исполнение благой воли Божией о нем самом и о мире вокруг него. Но когда человек отпал от своего Создателя, эту ясную и высокую цель от него заслонило множество других – мелких и противоречивых. Все его свойства и способности остались прежними, но вот употреблять их человек стал неподобающим образом. Так, стрелок с помутившимся зрением, по-прежнему способен натянуть тугую тетиву своего лука и пустить стрелу. Но куда она попадет – большой вопрос. Скорее всего, такой выстрел вслепую окажется «амартия», то есть – мимо цели.

Вот как пишет об этом преподобный Симеон Новый Богослов: со времени преступления Адамова растлились все естественные силы человеческого естества, то есть ум, память, воображение, воля, чувство, которые все совмещаются в частях души...

Растлились, но не уничтожились.

Почему человек может умствовать, но не может умствовать правильно; может действовать, но действовать неразумно. По сей причине, все, что он думает и придумывает, что загадывает и предпринимает, к чему сочувствует и от чего отвращается, все это криво, косо, ошибочно.

Иначе говоря, грех в православии понимается как неправильно, не вовремя и не вовремя реализованный импульс человеческой природы, который сам по себе вполне здоров, но будучи употребленным не по назначению, стал вредным и опасным для человека.

Грех осуждения не является исключением из этого правила. В его основе лежит все тот же, изумлявший Канта нравственный закон стремления человека к добру. Создав человека безгрешным, Бог вложил в его природу совесть, как способность отличать добро от зла, и ненависть к греху, как защитную реакцию на столкновение со злом. Поэтому, когда первые люди согласились в райском саду на уговоры сатаны и вкусили плодов с запретного дерева, они не

стали жертвами обмана или собственного неведения. Грехопадение было сознательным актом нарушения ими воли Божией и голоса собственной совести.

Отпав от Бога, человек потерял Рай, но эту естественную способность различать зло и ненавидеть грех, он сохраняет и по сей день.

Правда, с одной печальной оговоркой: после грехопадения человек отчетливо видит зло, но – только в других людях, а ненавидит он теперь – чужие грехи. Такое духовное устройство и порождает отношение к окружающим, которое принято назвать в православной традиции – грехом осуждения.

Неправильно употребленная способность, словно чудовищный бинокль неимоверно увеличивает перед нашим духовным взором все недостатки и злые дела окружающих.

Но когда мы через этот же бинокль пробуем взглянуть уже на самих себя, он начинает столь же неимоверно уменьшать все наши грехи, делая их в наших глазах мелкими и не заслуживающими внимания.

Как ни странно, такое стремление видеть себя только хорошим и добрым тоже имеет основание в чистой богоданной природе человека и является ни чем иным, как – искаженным чувством святости, которая была свойственна нашему естеству до грехопадения.

Что мы знаем друг о друге?

Парадокс греха осуждения заключается в том, что взявшись судить о недостатках и грехах другого человека мы на самом деле судим себя, хотя, как правило, даже не подозреваем об этом. Осуждая кого-либо, мы устанавливаем некий уровень нравственной оценки человеческого поведения, ниже которого и сами не имеем права опускаться. Скажем, осудив в душе грубияна-начальника орущего на подчиненных по поводу и без повода, мы тем самым, и для себя определяем категорическую недопустимость подобного поведения. Однако, вернувшись с работы домой, можем тут же сорвать накопившиеся за день раздражение и усталость на ни в чем не повинных родственниках. И поэтому осуждение, которое днем было адресовано нами несдержанному начальнику, теперь с полным правом должно быть употреблено по отношению к нам самим. Так проявляет себя удивительный закон духовной жизни, который преподобный Иоанн Лествичник формулировал следующим образом: **Если в самом деле истинно, что ... каким судом судите, таким будете судимы (Мф 7:2), то конечно, за какие грехи осудим ближнего, телесные или душевные, в те впадем сами; и иначе не бывает.**

Причина такой жесткой зависимости проста: в другом человеке мы можем опознать и осудить лишь те греховные наклонности, которые уже есть в нас самих. Мы не видим души человека, не знаем его внутреннего мира, поэтому очень часто приписываем чужим поступкам то значение, которое нам подсказывает наш собственный греховный опыт. Так, например, увидев человека, входящего среди ночи в круглосуточный магазин, бандит может принять его за своего коллегу, который собрался ограбить эту лавочку. Пьяница, глядя на этого же позднего покупателя, решит, что тот прибежал за очередной порцией выпивки.

А любитель амурных приключений подумает, что этот человек собрался к любовнице и хочет купить по дороге торт и цветы. Каждый судит о нем в меру своих представлений, обусловленных их собственным навыком к тому или иному виду греха. А человек-то всего-навсего пришел купить молока для больной дочки...

Так чего же он стоит, такой наш суд? Ведь все, что мы можем знать друг о друге, по большому счету укладывается в эту печальную схему: мы видим лишь внешность чужих дел, но совершенно не представляем себе их смысла и внутренней мотивации. Наблюдая чужие поступки, мы наивно пытаемся по ним дать справедливую оценку человеку и его делам. Но не так судит Бог, который смотрит не на дела, а на сердце человека, знает все обстоятельства его

жизни, движения его души, и совсем по-другому оценивает даже то, что, вне всякого сомнения, является грехом в наших глазах.

Очень хороший пример, поясняющий как это может быть, приводит в своих поучениях преподобный Авва Дорофей, христианский подвижник живший в седьмом веке. Он рассказывает, как на невольничьем торге были выставлены на продажу две совсем маленьких девочки, и одну из них купила благочестивая христианка, мечтающая воспитать ее в чистоте и благоухании святых заповедей Христовых.

Другую малышку купила развратная блудница, с тем, чтобы научить ее своему мерзкому ремеслу. И, конечно, же, первая девочка выросла чистой душой и телом, боголюбивой и исполненной всяческих добродетелей. А вторая... Вторую ее злая наставница сделала орудием дьявола, научив самым изысканным и грязным видам разврата.

И вот, Авва Дорофей восклицает: «Обе были малы, обе проданы, не зная сами, куда идут, и одна оказалась в руках Божиих, а другая впала в руки дьявола. Можно ли сказать, что Бог равно взыщет как с одной, так и с другой? Как это возможно! Если обе впнут в блуд или в иной грех, можно ли сказать, что обе они подвергнутся одному суду, хотя и обе впади в одно и то же согрешение?

Возможно ли это? Одна знала о Суде, о Царствии Божием, день и ночь поучалась в словах Божиих; другая же, несчастная, никогда не видала и не слышала ничего доброго, но всегда, напротив, все скверное, все дьявольское; как же возможно, чтобы обе были судимы одним судом?

Итак, никакой человек не может знать судеб Божиих, но Он один ведает все и может судить согрешения каждого, как Ему Единому известно».

«...О, худо он сделал»

«Ненавидь грех, но люби грешника» – вот принцип православной аскетики, не позволяющий отождествлять человека с его злыми делами. Но даже ненависть к чужому греху может оказаться духовно опасной, а тот, кто внимательно рассматривает поведение других, и сам рискует через осуждение греховных поступков незаметно для себя впасть в осуждение того, кто их совершает. В Древнем Патерике упоминается поучительный случай подобного рода.

Один старец святой жизни, узнав о некоем брате, что он впал в блуд, сказал: «О, худо он сделал». Через некоторое время Ангел принес к нему душу согрешившего и сказал: «Посмотри, тот, кого ты осудил, умер; куда же прикажешь поместить его – в Царство, или в муку?» Потрясенный этим святой старец все оставшееся время своей жизни провел в слезах, покаянии и безмерных трудах, молясь, чтобы Бог простил ему этот грех.

Старец осудил не брата, а лишь его поступок, но Господь показал ему недопустимость даже такого, казалось бы, справедливого и праведного суда.

Грех достоин ненависти, но каждому, желающему своего спасения необходимо научиться ненавидеть грех, прежде всего – в себе самом. О чужих же грехах и о правильном отношении к ним Авва Дорофей писал следующее: «Действительно случается, что брат погрешает по простоте; но имеет одно доброе дело, которое угодно Богу более всей жизни, – а ты судишь, и осуждаешь его, и отягчаешь душу свою. Если же и случилось ему преткнуться, почему ты знаешь, сколько он подвизался и сколько пролил крови своей прежде согрешения? Теперь согрешение его является пред Богом, как бы – дело правды. Ибо Бог видит труд его и скорбь, которые он, как я сказал, подъял прежде согрешения, и – милует его. А ты знаешь только сие согрешение, и тогда как Бог милует его, ты – осуждаешь его и губишь душу свою. Почему ты знаешь, сколько слез он пролил о сем пред Богом? Ты видел грех, а покаяния его не видел».

Синдром Паниковского

Даже очень грязный человек может почувствовать себя чистым и опрятным, если встретит бедолагу, еще более грязного и неряшливого, чем он сам. Беда в том, что наша поврежденная грехом природа все время стремится к самоутверждению за счет признания другого человека более низким, плохим, греховным. И еще одна лазейка для этого больного стремления очень часто видится нам в словах Нового Завета об обличении греха:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.